

Третий год войны. Перемирие

Виктория Горнина

Виктория Горнина

Третий год войны. Перемирие

«Автор»

2026

Горнина В.

Третий год войны. Перемирие / В. Горнина — «Автор», 2026

Речь о Троянской войне. в этом тексте сталкиваются и вынуждены взаимодействовать два разных мира. Один циничный и наглый, второй мир имеет представление о порядочности и доброте.

© Горнина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Зима	5
1. Ахейский лагерь	5
1. Визиты к Паламеду	5
2. Крессида, Калхас, Диомед	8
1. В лагере	8
2. Сложная задача	11
3. У Диомеда	13
4. Палатки на песке	15
5. Отцовский гнев	16
3. Совет ахейских командиров	17
4. Все в храм	19
1. Идея Нестора	19
2. Весна - пора великих грабежей	21
1. Тевфрания	21
1. Канатоходец	21
2. Аякс Теламонид и компания	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Третий год войны. Перемирие

1. Зима

1. Ахейский лагерь

1. Визиты к Паламеду

В те промозглые серые дни потянулись в кущи Паламеда цари различных царств - по большей части все недовольные текущим положением. К кому им обращаться? Кто лучше Паламеда знает, что нормы пропитания урезаны в очередной бесчисленный раз, в палатках холодно, по ним гуляет ветер, народ бурчит - и толком не воюем, и домой не отпускают - зачем мы здесь сидим?

Последняя раздача покрывал была уж год назад. С тех пор народ прибавился, и пленным тоже нужно что-то есть и утепляться - зима на улице. И эскулапы озабочены - вот-вот начнется эпидемия. Травы, что засушил за лето Паламед - все в ход пошли. А потому и Махаон, и Подалирий частенько навещают Паламеда.

- Смотри, как бы они чего не лягнули у Нестора. - предупреждает сына Навплий.

Все знают, что эскулапы врачуют царя Пилоса. За разговором они и скажут, прежде не подумав.

Положение усугубляет тот факт, что результата никакого нет. А раздобытого иной раз не хватает хотя бы продержаться во весны.

Что мы здесь делаем? - этот вопрос всё чаще звучит среди простого воинства.

- Проходит время без толку. - вздыхают орхоменцы Аскалаф и Иалмен. Они не хуже Паламеда понимают - не окупаются затраты. И неизвестно когда окупятся. Если окупятся вообще. Город был и остается неприступным.

Им вторят земляки.

- Наши пашни, небось, бурьяном заросли, пока мы здесь сидим. - переживает беотийский вождь Леит, с ним заодно Аркесилай и Профенор. Согласны с беотийцами магнеты, фессалийцы.

Все в основном убеждены - Агамемнон усугубил проблему и растянул во времени. Додумался на целый год запросить у Приама перемирие. Лишний год вне стен родного дома - и ладно бы по делу, а просто так сидеть на этом берегу - зачем?

- Люди хотят домой. - вздыхает Клоний.

И в этом главная причина - идет третий год, как все покинули свои дома, не видят как растут их дети, соскучились по женам, матерям, им снится родной дом - народ тоскует, и ничего поделать здесь нельзя.

- Нет смысла нам сидеть под этими стенами. - уверен царь Профой.

Поля его родной Фессалии остались без рабочих рук.

Тех, кто привык работать на земле, понять несложно - их родные пашни простаивают без своих хозяев. Простые парни, что оторваны от дома и от родной земли переживают. Народ заметно приуныл. Люди не довольны, но в основном молчат, лишь иногда выплескивают раздражение, что потихоньку копится - иной раз прорываясь. Тогда высказывают всё своим вождям, и те озвучивают в кущах Паламеда свои тревоги. И в принципе, их не в чем упрекнуть.

Не отстают от них и те, чьи острова и земли не отличаются завидным плодородием, но всё же дома лучше. Простые рыбаки и пастухи жалеют - зачем они ввязались в это дело? Былой энтузиазм бесследно испарился.

- Третий год пошел, а толку нет.

Конечно - думали навалятся всем миром и быстро разберутся. Оказалось, что быстро не получится.

- Уходит время, Паламед. Ты это понимаешь? - говорит Подаркес, брат погибшего царя Филадельфа.

- Еще и перемирие. Зачем? - поддакивает Менесфей, афинский царь. Он ждет ответ от Паламеда.

Никто объявленное перемирие не одобряет. Торчать напрасно в чужом краю, еще и целый год без военных действий - зачем? И каждый просит Паламеда:

- Ты на Совете замолви за нас словечко.

Придется Паламеду быть как между двух огней. С одной стороны он согласен, что лишь одни убытки от этих посиделок под чужой стеной, с другой - он знает, что все цари давали клятву разрушить Трою. Как отыскать здесь общий знаменатель?

- А что я там скажу? Домой вас отпустить? Что вы устали? Агамемнон быстро напомнит вам о клятве.

- Да помним, помним... - ворчат фокейцы, афиняне, аркадцы, этолийцы, и многие другие. Он сам не видит перспектив, но понимает, что объяснять всё это на Совете бесполезно.

- Вы лучше употребите этот год на заботу о своих войсках. Наладьте, наконец, достойный быт, найдите им занятие. - советует всем Паламед.

- Какое? - оживляются вожди. - Оружие начистить? Они его давно начистили до блеска.

- Дело не в оружии. В простых вещах. Еда, тепло, одежда. - подсказывает Паламед.

На это у царей Эллады находится ответ:

- Всё продовольствие в твоих руках.

- Мы знаем, что ты распределяешь всё по-честному. Но хлеба... его просто не хватает.

Царь Аскалаф и дальше рассуждает:

- Последний раз несправедливо разделили всю добычу. Ковры и одеяла достались микенцам и критянам. А как же наши люди?

Да, было дело. Паламед сам в курсе - верховное начальство предпочитает обеспечивать своих людей. Идомея и Агамемнона мало заботят нужды других бойцов. У каждого, в конце концов, имеется свой царь - пусть сами и заботятся о них.

Едва ли Паламед здесь может что-то изменить.

- Вы знаете, что вся добыча выносятся на площадь. - напоминает Паламед. - Дележ происходит там.

Его как будто бы не слышат:

- Нам печек не досталось в этот раз. - стонут Подаркес и Бланир. - А как зимой без печек? Все наши люди мерзнут.

У каждого костра частенько собирается до сотни человек.

- Дров тоже не хватает. Вокруг всё вырублено. - они долго возмущались, рассказывая о лишениях, что терпят простые воины всю зиму, но основная суть совсем не в этом.

Если спросить тех же микенцев, что лучше обеспечены, хотят ли те домой, как думаете, что они ответят? Неужто согласятся и дальше здесь сидеть неведомо зачем? То Паламед прекрасно понимает. Но также понимает, что партия войны сильна, и вряд ли одобрит разговоры о возвращении домой. А потому нет смысла их вести.

Тут Паламеда осеняет:

- От лагеря правее есть плодородная земля. Пусть по весне займутся ваши люди. За год и снимут урожай.

Беотийцы оживились:

- А что? Хорошая идея.

Позже, когда гости покинут куши Паламеда, он призадумался - зерна итак в обрез. Не говоря о том, что нет сельскохозяйственных орудий. И нет волов. Но выход он нашел - достаточно поставить сей вопрос на Совете ахейских командиров. А он проходит каждую неделю.

2. Крессида, Калхас, Диомед

1. В лагере

Крессида растеряно стояла на пороге. Коморка сторожа, куда привел отец, была не велика. Убогая лежанка, очаг в углу да низкий табурет.

- И ты вот так живешь? Пойдем домой, отец, прошу тебя. Пойдем. Ну что ты здесь забыл? Я умоляю.

У них шикарный двухэтажный особняк в центральной части Трои. Зачем ютиться в маленькой коморке?

- Дочь... - отвел глаза Калхас. - Наш город обречен. Я еле вытащил тебя оттуда.

- Ты что? Ты что такое говоришь? - удивлена Крессида. - Наш город неприступен.

Ей ежедневно это говорят - вернее, говорили все, начиная с дядюшки Пандара, и царь Приам сам обещал, при всем народе, что стены Трои выдержат любой напор. Она всё слышала.

- Спроси у Диомеда - он не даст соврать. - кивнул на Диомеда Калхас.

Тот вел Крессида в ахейский лагерь от троянских стен. Когда она увидела отца, бегом к нему пустилась. Диомед остался позади. Жрец дочь прижал к себе, от радости заплакал, и долго так они стояли, обнимаясь.

- Крессида... дочка... - твердил Калхас.

- Отец, отец... - всхлипывала дочь.

Им много слов не надо - глаза отметили, как изменился ее отец - он похудел, исчезла важная осанка, он постарел, во взгляде - неуверенность и страх. Но это был ее отец. Крессида его ждала три года.

- Отец, мой дорогой отец... - она всё прижимается к нему и бесконечное "отец" слетает с губ, а слезы не кончаются.

Диомед с минуту посмотрел, поставил сумку у дверей и удалился. Он не любил чужих семейных сцен. Они ему напомнили о доме. У Диомеда тоже есть семья. В любимом Аргосе. Сейчас от Аргоса он очень далеко. Он третий год, под этими стенами. А здесь совсем другая жизнь. И думать надлежит другие думы. А значит, ни к чему смотреть на бурные семейные восторги. Вернись домой - я также дочку обниму и сыновей. Но это будет еще не скоро.

И Диомед оставил их одних.

Поэтому подтвердить слова Калхаса некому - царь Аргоса ушел. Придется самому с ней объясняться.

- Пойми - все эти толпы, что пришли сюда, так просто не уйдут. Они не успокоятся, пока всех не убьют. Из наших женщин сделают рабынь. Они же не скрывают. Они так и говорят. Каждый ахейский воин желает обнять на своем ложе троянскую жену. Теперь ты понимаешь?

- Нет... - растеряна Крессида. - Но ты? Что делаешь здесь ты, отец? Здесь, среди ужасных чужеземцев? Зачем ты здесь?

- Я не хочу тебя увидеть наложницей какого-то ахейца. Я насмотрелся, как здесь с ними поступают - потешатся, а через год берут другую. А ту, что надоела передают клевретам. Те позабавятся, а после отправляют в палатки воинов. Там с ними никто не церемонится, Крессида.

- Какой кошмар. - Крессида округляет свои красивые глаза.

- Ты не представляешь, как у них проходит дележ добычи. А женщины для них это добыча. Трофеи - понимаешь? Вещи.

- Вещи? - поражена Крессида.

- Я хочу выдать тебя замуж, дочь. Чтобы ты имела свой дом, достаток и достойного супруга. Отец желает видеть тебя счастливой, дочка. Для этого я готов всё выдержать, стерпеть.

- Это всё из-за меня? Такие жертвы... Отец... Быть может, лучше было бы куда-нибудь уехать?

- Куда? Они всё разорили здесь, Крессида. И продолжают разорять.

Увы, но это правда.

- Я видела пожар со стороны Киллея. - подтверждает девочка. - Но это было в том году.

Да, было дело. Но больше нет военных столкновений, пожаров тоже нет. Слухи о грабежах, конечно, ходят.

- Говорили, - припомнила Крессида. - Весь Скир ограбили и Гиераполь, но от нас это далеко.

- Они не остановятся. - качает головой ее отец. - Сожгут здесь всё. Сожгут и нашу Трою.

- Трою? - ахнула Крессида.

Этого не может быть.

- Да, дочь. Не сомневайся. Поэтому я вытащил тебя пока не поздно.

- Но как... Там дядюшка Пандар, и все мои подружки... - она растеряна - в Трое остался ее мир в котором так чудесно.

- Забудь про них. И думай о себе. Устраивайся здесь.

- Здесь?... Но здесь так мало места... Мне даже вещи некуда сложить. - осматривается Крессида.

Коморка два на два, обшарпанные стены, пол земляной, в углу стоит какой-то глиняный кувшин. А потому, что нет стола. Окошка тоже нет, и в щели дует. Условия - врагу не пожелаешь.

- А где мне спать? И что нам есть? Здесь очень холодно...

На улице, действительно, прохладно. Зима еще не кончилась.

- Сейчас я разожгу очаг, сейчас. - засуетился Калхас. - Ты, дочка, потерпи.

Он ничего не подготовил к ее приходу. А потому, что не надеялся уже. Он поднимал этот вопрос на Скиросе. И Агамемнон обещал. Но ждать пришлось три года. Калхас почти надежду потерял. И только обращение к Диомеду позволило сдвинуть эту затею с мертвой точки. Наконец-то дочь с ним рядом. Что, безусловно, замечательно. Но нужно хотя бы для нее условия создать.

Калхас недолго размышлял - он побежал в кущи Диомеда.

- У вас не будет лишнего половика? А, может быть, найдется ненужная подушка? И дров... Можно я здесь, у вас, немножечко возьму? Я сам... Вы сжальтесь, господин. Мне нужно дочку как-нибудь устроить... Она замерзнет ночью...

Диомед выслушал его, и скорчил неприятную гримасу. Как этот жрец его достал. Калхас давно понял, что Диомед помягче остальных, и пользуется этим то и дело. На кухне подьедается. Всё время что-то просит.

Но жаль девчонку-то. На улице зима. Наверняка в коморке Калхаса гуляет ветер. А девочка-то вроде ничего. У Диомеда было время Крессиду рассмотреть, когда он вел ее до лагеря ахейцев. Фигуристая. Но толком ничего не видно. Эти троянки предпочитают длинные одежды. Еще и завернулась, как капуста. Платком закрылась, но черный локон выбился-таки. Она не замечает. Глаза на мокром месте. А личико наивное совсем. И чистый нежный лоб.

Она еще девчонка. Хорошо, хоть кости не торчат. - подумал Диомед. - Наверное, от силы лет 17-ть.

И, в общем, определил довольно верно. У Диомеда самого дочь примерно ее возраста. Ну как примерно - усмехнулся Диомед. Последний раз он видел свою дочь перед отъездом в беотийскую Авлиду. Тому уж третий год. - Выходит, что моя постарше этой... как ее? Ему

говорили, как эту девочку зовут. Но он забыл. Да это и не важно. Теперь ее отец пришел здесь на ночь глядя и снова попрошайничает. Дай то, дай это... Он начинает раздражать.

- Дрова в поленнице возьми... Подушка вот. - запустил первой попавшейся подушкой в Калхаса Диомед. - Иди отсюда. Не мешайся.

- А коврик?... - скулил Калхас у входа.

Диомед поднялся. Придется выставить его, раз слов не понимает.

- Отец, пойдем... - голосок Крессиды заставил Диомеда передумать.

Конечно, этот попрошайка надоел, но девочку-то жаль. Ночью подмораживает, лужи коркой льда покрыты по утрам. Вот тоже - дочь притащил, а не подумал, как ей здесь жить? Теперь пристал ко мне. - Диомед раздражения не скрывал.

- Бери, что возле входа.

То был истоптанный и грязный половик.

- Благодарю, благодарю... - жрец зачастил, запричитал. - Крессида, нам дали подушку и ковер. Пойдем...

Они ушли. А через час стусились сумерки и наступила ночь.

Диомед никак не мог их выбросить из головы. Жалкий ничтожный жрец и его дочка, что, между прочим, очень ничего. За отцом та выскочила без платка - и Диомед увидел юное лицо в прелестных локонах. Красивая девчонка. Замерзнет ведь.

Всё, что имелось на лежанке для гостей, всё Диомед собрал и вышел из куш на улицу.

- Сейчас я покрывало принесу. - буркнул в дверях коморки Диомед.

Он захватил немного хлеба с мясом - девочка голодная небось. Пускай поест.

Какой папаша бестолковый этот Калхас. - всё больше раздражался Диомед. - О чем он только думал? Куда привел?

Впрочем, вернувшись в свои куши Диомед, о них не вспоминал. Красивые наложницы заставили забыть всю суету сегодняшнего вечера. Диомед обхаживал одну, другая танцевала дивный танец, затем пристроилась, подставив Диомеду всё, что тот хотел. Одна была смугла - из тех девиц, что он привел с собой из Киллы, другая - белоснежная - с Лесбоса - из прошлогоднего подарка всем Ахилла. Но обе крутобедрые, грудастые - прекрасная награда за ратные труды.

А так и отдыхает заслуженный ахейский воин - поглаживая задницу одной, а в это время углубляется в другую. Затем еще одна несет ему вино и остается, присоединившись к остальным. Задача Диомеда ублажать, когда он этого захочет - обязанность невольниц. Не будут выполнять - их быстренько заменят на других.

А выбор есть и очень неплохой. Тем, кто попал к царям, особенно таким, как Диомед - им крупно повезло. И пленницы об этом знают. В палатках, что за кущами царей, условия другие. По двадцать раз на дню там изнасилуют, еще заставят стирать, в палатке убирать, и там, меж спальных мест еще раз изнасилуют. При этом забудут накормить, а ночью снова будешь согревать очередного воина. Обычно пленниц, что туда попали, через неделю сбрасывают в море - вернее, сбрасывают их остывшие тела. Их место занимают следующие. Такой круговорот установился и существует третий год. Про ужас, что творится в тех палатках, никто не хочет говорить. Рабыни лишь бледнеют и молчат. А потому все пленницы, что приглянулись царям Эллады, считай, счастливицы. Они накормлены, одеты, всегда в тепле, и что не мало важно - обслуживают одного мужчину. Понятно, что рабыни цепляются за это. Вышеописанный альтернативный вариант пугает их. Они боятся надоест хозяину, а потому стараются на совесть, еще переживают - а вдруг его убьют. Тогда дальнейшая судьба его рабынь, скорей всего, окажется печальной.

2. Сложная задача

Наконец-то Крессида разглядела Диомеда - когда он покрывало ей принес. Девочка буквально обомлела. Она восхищена. Какой мужчина этот Диомед. И руки сильные. Какой он мощный. Большой. Какое у него приятное лицо. Его глаза смотрели на нее. Крессида смутилась, покраснела.

- Вы так добры. - она взглянула и опустила свои красивые глаза. Но против воли они опять устались на этого мужчину. Диомед смерил Крессиду взглядом, улыбнулся. Тот взгляд заставил задрожать. Он симпатичный. Заботливый. А как он смотрит на нее.

На самом деле, смотрел он на нее спокойно. Да, заметил - красивая и свежая девица. Но в кущах у него девиц полно. Пусть не таких молоденьких, но их ему хватает. Он даже не запомнил, как эту девочку зовут. А скоро Диомед переключился на свои дела.

- А это кто? Он вел меня сюда. - Крессида покраснела.

- Диомед. Он не плохой. Особенно в сравнении с другими. - ей пояснил отец.

Он не заметил, как вспыхнула Крессида. Больше она не говорила про него. Молча принялась устраивать кровать, а мысли возвращались к Диомеду. Перед глазами возникало его лицо и сильные мужские руки.

Эту ночь Крессида спала нормально. Конечно, ни как дома - на узком топчане, но на матрасе, и укрывалась теплым покрывалом. Отец спал на полу перед ее кроватью. Утром она проснулась рано.

- Я за водой схожу. Ты спи, отец.

- Не вздумай. - Калхас вскочил, схватил кувшин. - Я сам.

Вернувшись, объяснил:

- Дочь, из этих кущ не выходи. По лагерю гулять не стоит. Потом я не найду тебя.

Крессида удивилась.

- Но почему?

- Я говорил тебе. Здесь женщинам не место. Любой и каждый здесь тебя обидит.

Крессида посмотрела на него.

- Давай уедем. Сейчас, отец. В Дарданию хотя бы. Или в Абидос. Там нет войны.

Эти города пока никто не трогал. Но Калхас убежден.

- До них ахейцы тоже доберутся. Фракийский Херсонес же разгромили.

Крессида замолчала. Ей хочется домой, в родную Трою. Большой уютный дом на тихой улочке в центральной части Трои - ее родной любимый дом, ее подружки, и даже дядюшка Пандар, что целый год пилил ее за этого Троила - всё бесконечно дорого Крессиде, но больше этого не будет никогда. Всё отступило в прошлое. И для ее отца обратной дороги нет. А значит, нет и для нее. А может, есть? Она не предавала никого.

Мне нужно было остаться под защитой храма. - ругает сама себя Крессида.

А если ей вернуться? Она ни в чем не виновата. Она уверена, что город ее примет. Сейчас ей будет проще - ведь объявили перемирие. Но как ей это сделать?

Из лагеря она одна не сможет выйти. Крессида видела широкий ров, высокий частокол, и даже в перемирие ворота охраняют. Отец ее предупредил - по лагерю ходить небезопасно. Ей нужно попросить кого-нибудь.

Я Диомеда попрошу. Он вроде добрый человек. Скажу, что собралась в храм Посейдона. В том храме есть два выхода, и в Трою я вернусь. Не может быть, чтобы мой город пал, как говорит отец. Но, если это в самом деле будет, то в этом случае Крессида окажется, в конце концов, добычей. Трофеем. Вещью - как сказал отец.

Он хочет уберечь меня, я это понимаю.

Но спрятать в лагере, где много беспокойных мужиков, где ни ступить и шагу, чтобы не наткнуться на здоровенного вояку, невозможно. И, судя по положению отца, он защитить не сможет. И получается - я стану чьей-то вещью задолго до падения Трои. Если вообще она падет.

А я не верю, что она падет. - всё больше убеждается Крессида покинуть ахейский лагерь.

Да, это сложная задача.

Ну, не такая сложная. - Крессида встрепелась. - Да я сейчас его обворожу.

Ей это удавалось много раз. И очень кстати вспомнился Троил. Как тот слова все забывал, когда ее увидит. Крессида усмехнулась. Я справлюсь с этим Диомедом.

3. У Диомеда

Но зрелый опытный мужчина - это тебе не юный мальчик.

- Ты заходи, красотка, заходи.

Она стояла на пороге его куш и улыбалась.

- Ой, как у вас тепло.

Здесь жарко, к тому же здесь уютно. По стенам шатра развешаны чудесные ковры, ковры и под ногами, очаг по середине красиво обрамлен затейливой решеткой, а дальше низкие широкие диваны, при них столы уставлены едой. Полупрозрачный полог создаёт впечатление размытого рисунка.

Она не удержалась:

- А можно я возьму? - она шагнула на ковер. Ножка утонула в мягком ворсе. Руки потянулись к блюду. Ой, сколько здесь всего... Некстати забурчало в животе. Конечно, она с утра не ела ничего. Крессида взяла яблоко.

- Возьми, красавица, возьми.

- Присядь. - радушно предложил ей Диомед, Равнодушный взгляд скользнул по нежному лицу.

- У вас так хорошо... - она оглядывала помещение. Справа умывальник поблескивает медью, а там, в какой-то нише лежат доспехи, оружие по стеночке стоит, она заметила там копья и несколько щитов... Какой мужчина... Наверное, он очень славный воин...

Да, это было так, но Диомед задернул занавеску. Девице туда нечего глазеть. Девицы нужны для одного - уверен Диомед.

- Я вас хотела попросить... - промямлила Крессида.

- Что ты хотела, крошка? - подсел к ней Диомед. Провел рукою по спине. Крессида вздрогнула. Он приобнял ее.

- Не бойся.

Рука привычно забралась под ткань, коснулась кожи.

Слова исчезли, мысли застывали. Какие руки у него и как приятно.

Но я здесь вроде не за этим...

Его ладонь ей мягко сжала грудь.

- Ой, - яблоко упало на ковер. - она нагнулась. Диомед не дал ей разогнуться. Он усадил Крессида на колени.

- Какая ягодка... - вонзился Диомед в невинные глубины.

- Ой...

- Не кричи. Расслабься, девочка.

Он не спеша обхаживал ее, мямля, что хотел и наслаждался. Округлое тугое тело пришлось ему по вкусу. Но тряпок слишком много нацепила.

- Снимай. - распорядился Диомед и начал освобождать ее от лишних покрывал.

- Я не... я не хочу...

- А я хочу. - он заявил, увлѣк Крессида на диван, и навалился сверху.

А что пришла тогда? В шатер к мужчине? Она что думала?

Крессида ничего не думала. Забыла зачем пришла. Девчонка просто млела от новых ощущений. Понравилось прикосновение сильных рук. Понравилось, как с ней он управлялся.

Забавы с молоденькой девицей это, безусловно, хорошо, но у Диомеда имеются дела. Через полчаса очередной Совет у Агамемнона.

- Тебе служанка даст поесть. И для отца чего-нибудь возьми. - распорядился Диомед и вышел.

Какой он добрый. Как с ним хорошо. - вздохнула вслед Крессида.

Впервые с ней такое вытворяли и ей понравилось. Она придет еще.

4. Палатки на песке

Как только приоткрылась дверь коморки, Калхас подскочил. Дочь держала сверток с хлебом.

- Ты где была? Я волновался.

- У Диомеда. - ответила она и стала выкладывать хлеб, мясо, пару яблок - на кровать. Стола же нет.

- Тебя всё утро не было, Крессиди.

- И что? - она подняла глаза. - Поешь, отец.

Он угадал ее желание уйти от разговора.

- Что ты там делала? - настаивает Калхас.

- Я что - должна докладывать? - она надула губы.

- Должна. Ты - моя дочь. Единственная дочь.

Родное существо, ради которого Калхас пустился во все тяжкие, прошел позорный путь и под родными троянскими стенами сидит предателем своей земли, заискивает перед ахейскими вождями.

- Отец, я не ребенок. Я выросла давно.

- Ты больше не ходи к нему, прошу тебя. - обнял ее отец.

Крессиди удивилась.

- Но почему? Мне у него понравилось.

- Он приставал к тебе? - допытывался Калхас.

- Какая разница. - поморщилась она. - Ну, приставал... Мне хорошо с ним. Он будет делать то, что я хочу.

Сейчас имеется обратная картина. И, судя по всему, едва ли Диомед превратится в покорного слугу.

- У Диомеда есть жена, Крессиди. Закончится война и он вернется к ней. Ты не нужна ему.

- Это ты так думаешь. А может быть нужна?

- Я так мечтал, что ты займешь положение, достойное тебя...

- А где я это положение займу? Среди руин? На пепелище? Где? Ты сам сказал, что наша Троя сгорит в огне. Уехать ты не захотел. А я тебя просила.

И здесь она права. Когда всё рушится - какое положение?

- Пойми - меня прогонят из любого городка. Никто меня не примет.

За два прошедших года слух о перебежчике Калхасе распространился по Троаде. Каждый в Трое знает - отец Крессиды жрец Калхас предатель.

- Тогда и ты меня пойми. По крайней мере, Диомед сможет защитить меня. А ты не можешь. Ты даже накормить меня не можешь.

- Да, не могу. - согласен с ней Калхас.

Он помолчал немного.

- Дочь, их кущи это не дворцы. Это палатки на песке. Всего лишь. Я так хотел, чтобы ты вышла замуж, дочь... - скулил Калхас.

- За кого? Сам говоришь - они разрушат всё. Давай больше не будем об этом говорить.

Крессиди прилегла немного отдохнуть. Вечером она пойдет на ужин к Диомеду. Быть может, он поможет ей покинуть этот лагерь?

5. Отцовский гнев

Калхас караулил Диомеда возле куш и бросился к нему, едва лишь тот открыл свою калитку.

- Ты обесчестил мою дочь. - без предисловий обвинил его Калхас. - Она еще ребенок.

Диомед остановился.

- Она сама пришла. Сама хотела. Похоже, ей понравилось, Калхас. А что тебе не нравится?

Жрец негодует. Как все отцы любимых дочерей.

- Но ты же взрослый человек. У тебя дочь в таком же точно возрасте. Ты сам мне говорил.

- Да, говорил и что? - не понял Диомед. - Я не ищу ровесниц.

- Пойми - она не пленница. Она свободная троянка. - доказывает Калхас, что вызывает недоумение у Диомеда:

- Свободная. И что? Ты думаешь, свободная не хочет? Еще как хочет, Калхас. Крутилась здесь, как вошь на гребешке.

- О боже... - Калхаса бросает в жар, а Диомед спокойно добавляет:

- Думаю, что к вечеру она опять придет. А не придет - тебе же хуже.

Троянский жрец хватается за сердце.

- Тогда я посоветую твою девицу своим соседям - Антифу и Фидиппу. Их кущи здесь недалеко. Пусть развлекаются. - смеется Диомед.

Жрец округлил глаза, молчит.

- Иди отсюда, Калхас. Не мешайся. - и Диомед скрылся в своих кущах.

Фидипп с Антифом - внуки славного Геракла. Два здоровенных буйных мужика. Женщин всегда им не хватает. Что именно происходит в тех кущах неизвестно, но каждые полгода им новых пленниц подавай.

- О горе мне. - стонал Калхас, когда шел до своей коморки.

3. Совет ахейских командиров

Совет собрался обсудить план действий на ближайший год. Год перемирия.

В куцах Агамемнона тепло. Светильники мерцают, освещая помещение. Под ногами мягчайшие ковры. Струится легкий дым восточных благовоний, а в глубине мелькают женщины подобно бестелесным немым теням - время от времени они, отодвигая занавески, возникают с подносами закусок и вина. Никто в них точно не узнает тех самых лесбосских красавиц. Но это именно они - смиренны, женственны и грациозны. Накрыли стол и молча удалились.

Агамемнон всех командиров пригласил к столу. Конечно, он во главе того стола, а справа Нестор; Идомей расположился с левой стороны. С ним рядом Паламед; Улисс напротив них; а дальше Диомед и Феникс. Большой Аякс с Ахиллом устроились в конце. Агамемнон окинул взглядом их - все в сборе. С минуту помолчал.

- Друзья, я думаю, все в курсе. - напомнил Агамемнон. - Сбор продовольствия - важная задача.

- Я во Фракию - как только потеплеет. - объявил Аякс Теламонид.

- Смотрю - тебе там нравится? - усмехнулся Агамемнон. Он знает - Аякс оттуда привезёт как минимум зерно. А там всё может быть.

- Мы так договорились с братом. - Аякс кивает на Ахилла.

- А я опять налево. - Ахилл желает грабить побережье. На очереди много городов. - Кто хочет - пускай присоединяется ко мне. Так больше привезем.

Но есть и города вдали от моря.

- За Неандром я видел какой-то городок. - говорит Диомед. - Его необходимо навестить. Диомед считает, что здесь, в Троаде еще не всё разорено. И это верно.

- А я хотел бы прогуляться вдоль троянских стен. - говорит Улисс.

Разведку никто не отменял. Год перемирия необходимо с пользой провести.

- Нам нужно посещать их храм. - предлагает Нестор. - Пусть видят, что мы чтим богов.

Создать у местных впечатление, что все ахейцы приличные богобоязненные люди - затея неплохая.

- Есть предложение засеять ближайшие поля. - продвинул Паламед свою идею. - Единственно - у нас с зерном проблемы.

Тут оживился Аякс Теламонид:

- С зерном? Но это не вопрос. У неандрийцев разживемся. Я быстренько сгоняю. А сколько надо? Мешок? А может, два?

- Волы нужны и плуги. - дополнил просьбу Паламед.

- Найдем. Ты не переживай. - заверил его Аякс.

А после высказался Агамемнон. Решил развить мысль Нестора:

- Я думаю установить с троянцами контакт. Для этой цели возле храма устроить нечто вроде места для собраний.

- А что? - поддерживает Нестор. - Поставить там столы, красивые девицы пусть наливают всем вино. Вино развяжет языки.

- Быть может, за этот год они расслабятся. Тогда по одиночке проникнуть в город будет не проблема. Думаю, что твои люди, Паламед, с такой задачей справятся.

- Мои готовы для подобных операций. - подсказывает Одиссей. Его задело.

Опять ему предпочитают Паламеда.

- Большой необходимости в том нет, и люди Паламеда с такой задачей справятся. - уверен Агамемнон. Он будто не замечает недовольства Одиссея.

Придется ему очень постараться, и он возможности не упускает.

- К нему ходят толпы недовольных. - бросает тень на Паламеда Одиссей. - Смотри, скоро его назначат главным вместо тебя.

- Мы это проходили. - напоминает Агамемнон. - В Авлиде. Потом вы сами заявили ко мне в шатер. Забыли что ли?

- Не преувеличивай. - отвечает Паламед. - Им надо где-то пар выпустить. Поэтому и ходят.

- И много ходят, Паламед? - интересуется главнокомандующий.

- Да так... не обращай внимания, Агамемнон. Это ерунда. - отмахивается Паламед. И переходит к своему вопросу. - Думаю, есть смысл гарантировать войскам до 20 процентов от добычи на собственные нужды.

- Зачем? - не понял Агамемнон. - У нас есть площадь для таких собраний. Там как обычно всё разделим. - и продолжает делиться планами. - Мне нужно, чтобы в лагере весь год оставались боеспособные отряды во-первых, для охраны, и на случай удачных разведывательных действий.

- Ты хочешь внезапно нарушить перемирие? - Нестор, похоже, ничуть не удивлен.

- Посмотрим... Если удачно всё пройдет, кто будет потом об этом вспоминать и предъявлять претензии?

- Ты прав, мой друг, и ты умнейший человек Эллады. - на этом Нестор встал из-за стола. На сём Совет закончился.

4. Все в храм

1. Идея Нестора

Мессенец Нестор, самый мудрый из ахейцев, не дожидаясь теплых дней, стал воплощать в жизнь решения последнего Совета.

- Все в храм. - всех собирает Антилох. Сын Нестора заглядывает в кущи, что расположены по правой стороне от площади собраний.

По левой всех собирает Фрасимед.

- Отец велел всем собираться в храм. - будит с утра по раньше царей Эллады Фрасимед. Цари ворчат, но собираются. Друг друга поджидают.

- Прилично всем одеться. Причесаться. Вы в храм идете, а не на скотный двор. - придиричливо оглядывает Нестор собравшихся вождей. - Оружие всем спрятать.

Царям приходится мечи оставить в кушах, заткнуть свои кинжалы за пояса, накинуть сверху парадные плащи.

- Всем улыбаться и вести себя прилично. С местными общаться вежливо. Понятно? - дает последние рекомендации царь Нестор, затем ведет всех подопечных в храм.

- Разбейтесь на компании по 5-6 человек.

Они так и сделали. Идут в обнимку Эпистроф и Схедий, а рядом с фокеецами шагают два лапифа - Полипет и Леонтей, к ним пристроился царь Фер Евмел. Следом идет компания внуков великого Геракла и дядя вместе с ними, примкнули к ним два не менее великих лекаря из Трикки, а также Нирей из Сима. Четыре беотийца, аркадец Агапенор, и афинянин Менесфей, абант Элефенор идут за ними, а после еще одна компания вождей - Бланир и Клитий, Ормений и Диор - все под взглядом Нестора стараются держаться и производят впечатление смиренных прихожан.

У Лаокоона едва глаза не повылезали из орбит. На службу в храм явились все цари Эллады. Все молча скромно отстояли ритуал, пожертвовали мелочь на добрые дела. А после обступили с просьбами жреца.

- Мы чтим не только Посейдона. - смиренно попросили великие вожди. - Поставьте для нас изваяние Аполлона. Хотя бы его бюст. И дайте нам возможность ему служить.

- Мы без него не можем. - убеждают служителя ахейцы.

- Установите для него алтарь. - едва не хором просят великие цари.

- Вот наш посильный взнос. - протягивает Нестор слиток золота с Киллея.

Что это с ними? - насторожился Лаокоон.

Несколько испуганных троянцев по стеночке, по стеночке покинули храм Посейдона.

Нестор обратил внимание.

Так можно весь народ перепугать. - подумал Нестор.

А потому составил график посещений. Тем самым примирил с такой необходимостью вождей. Большой компанией теперь ходить не нужно. Не нужно каждый день вставать так рано.

Как следствие, на следующий день пришла лишь небольшая часть царей, а их сменила третья партия.

- По 5-6 человек, но каждый день. - повесил список Нестор на площади собраний. Он жестко контролирует процесс.

По Трое прокатился слух, а кое-кто сам видел, что ахейские вожди посещают храм.

- Ведут себя прилично.

- Несут пожертвования.

- Всю службу отстояли. - рассказывают люди, что сами видели буквально только что.

Спустя неделю троянцы пришли к такому выводу:

- Похоже, среди них имеются приличные воспитанные люди.

Спустя примерно месяц договорились до нужного ахейцам результата:

- Они такие же, как мы. И тоже чтят богов.

Действительно - приличные и скромные мужчины, что каждый день приходят замаливать грехи, и незаметно ускользнуло, что эти люди не так давно разбили местные войска, поубивали множество народа, а после обосновались на троянском берегу, разграбили окрестности.

Позже, как только потеплело, ахейцы пришли устраивать открытую веранду недалеко от храма, поставили столы, скамьи, доставили пифоны лемносского вина, что поставлял Эвней. Нестор проинструктировал каждого вождя:

- Не напиваться. Учтиво приглашать троянцев выпить чашу. Одну. Пусть две - не больше. Общаться вежливо и грязно не ругаться. Научите играть их в кости. Но увлекаться не советую - держать себя в руках. Азарту не поддаваться.

Согласны далеко не все, но Нестора все уважают и спорить не берутся. Для недовольных Нестор разъясняет:

- Напиться можно в своих куцах. Но только в них. Ругаться тоже. Мне нужно, чтобы троянцы в нас больше не видели врагов. Пускай расслабятся. А там глядишь, развяжут языки.

Задачу поняли и ходят каждый день небольшими группами все 60 царей попеременно. И если кто из них на время отлучится для очередного грабежа - на общем фоне это незаметно. Первым отбыл в Тевфранию Аякс, затем Ахилл уехал грабить Смирну и Фокею, а после Агамемнон с Диомедом ушли в Карену, беотийцы и фессалийцы занялись земледелием и были заняты с утра до вечера в полях.

Но лагерь не пустует. Всегда там есть народ на всякий случай. Пока тревожных происшествий нет, но внутри куц находится работа.

2. Весна - пора великих грабежей

1. Тевфрания

1. Канатоходец

Народные гуляния по случаю весны в Тевфрании проходят очень шумно. Приглашены на праздник акробаты, жонглеры и канатоходцы. Для маленького царства такое представление в новинку. Поэтому сбежались посмотреть на это дело все жители столицы. Возле помоста для артистов вообще не протолкнуться. Через всю площадь высоко над головами канат натянут - снизу он выглядит как ленточка на небе. С одной стороны канат цепляется своим крюком за скальную породу, с другой - за парапет балкона второго этажа дворца царя Тевфрании. А это метров 8 высоты. Управитель небольшого государства - царь Тевфр готовится произнести с балкона торжественную речь. Приятный представительный мужчина средних лет, неторопливый, с увесистым брюшком, с наметившейся лысиной - он держит лист пергамента в руках.

С ним рядом жена и дочь - черноволосая приятная девица. Большой красавицей ее назвать нельзя, но симпатичная и пышная особа.

Только что ее отец царь Тевфр произносил торжественную речь, благодарил светило за теплые деньки, затем дает отмашку к представлению.

Арену заполнили артисты - все в ярких цирковых костюмах. Одни жонглируют блестящими шарами, другой атлет пошел по кругу колесом, а кто-то крутит сальто, по центру акробаты строят пирамиду - на плечи одних встают другие, четвертый, самый сложный ярус, занимает артистка в цирковом трико. Эффектные поддержки на высоте захватывают дух - народ глазееет на нее, толпа плотнее обступает круг, где высоко над головами гимнастка демонстрирует свое искусство.

- Вдруг упадет. - переживает публика, не отрываясь наблюдает, как та выделяет сложные кульбиты, затем подобно птичке, летит над цирковой ареной, успевая трижды перевернуться в воздухе. Все люди облегченно выдыхают, когда она красивым пируэтом заканчивает номер. Под гром аплодисментов ее подхватывают мужские руки. Пирамида рассыпалась, но вскоре снова собралась. Акробат забрался по ней на самый верх, схватился за канат и через миг уже стоял на нем. Шест оказался у него в руках. Вся публика внизу открыла рты. Все взоры устремились вверх, все смотрят на него. Канатоходец ловко балансирует и продвигается по тонкому пути. На площади Тевфрании застыла тишина. Остановилось время. Фигурка смельчака шла в небе по канату. За ней, не отрываясь, следило много глаз. Шест накренился.

- Ох. - все ахнули внизу. Вся площадь замерла.

Все люди смотрят вверх, а потому не видят, что происходит рядом, в двух шагах.

Канатоходец был на самой середине, когда в небе сверкнула медь - стрелы Тевкра обычно достигают своей цели. Через мгновение шест полетел на землю, канатоходец рухнул с высоты. В этот момент на жителей Тевфрании набросились ахейцы.

- Хватайте всех. - последовал приказ.

2. Аякс Теламонид и компания

Как только выглянуло солнце по весне, Аякс собрал своих людей, и прихватил с собой порожние суда. Задачу за этот год собрать побольше хлеба, он понял хорошо. И понял не только он один. На сей раз Аяксу вызвались помочь орхоменец Иалмен и Евриал, сын Мекистея. Последнего принять участие в заботах интенданта отпустил друг Диомед. С ним этот храбрый воин сюда, в Троаду, прибыл. Кораблей у Евриала побольше будет, чем у сына Теламона, и это оказалось очень кстати. Евриал взял тридцать кораблей на эту операцию. Иалмен привел почти весь флот - кораблей у него сейчас штук 25. - причем, приличных кораблей. Остальные пять посудин Иалмена остались на ремонте - одни рассохлись, а другие напротив, загнивают под зимними дождями - что поделать?

Потому около 70-ти кораблей тем утром подошли к берегам Тевфрании.

Город недалеко от моря заметили издалека. И бросились в глаза пустые улицы. Ветер донёс восторженные возгласы, аплодисменты.

- Похоже, у них какой-то праздник. - определил Аякс.

Мелкие отряды просачивались незаметно. За ними последовали остальные команды интендантов. Случайно встреченных прохожих убивали, чтобы те раньше времени не подняли шум. И продолжали продвигаться, стараясь внимание к себе не привлекать.

Толпа на площади смотрела в небо. Туда же уставились на несколько мгновений все воины ахейцев. Канатоходец высоко над головой их тоже впечатлил.

- Ты сможешь его достать? - спросил Аякс у брата.

- Конечно. - Тевкр извлек из колчана стрелу, прицелился.

Когда канатоходец падал с высоты, ахейцы, к тому моменту успевшие всю площадь оцепить, напали на людей. Последние ряды подняли крик. Одновременно закричали с испугу за артиста те, кто не знал, что происходит дальше. Тело упало на людей. Народ шарахнулся. К погибшему сбежались все артисты. Над ним склонились зрители. Кто это сделал? почему? за что? - звучали растерянные голоса. А по краям большой толпы творилась жуткая неразбериха, возникла давка - кричали женщины и падали убитые мужчины. Через минуту арену заполнила толпа. Кого-то затоптали в толчее, других, пытавшихся остановить разбой, убили. Толпа плотней сбивалась к центру. Стоял истошный визг, отчаянные крики - никто не понимал, что происходит. Страх охватил людей и паника всё ширилась. Спустя какой-то миг на площади творился хаос.

- Что? Что случилось? - не сразу сообразил царь Тевфр. Не ожидал и растерялся.

Увидел каких-то чужаков, что копьями, мечами теснили, убивали его народ. У Тевфра задрожали руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.